СОМЕРСЕТ

МОЭМ

Время и книги

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Сомерсет Моэм
Время и книги (сборник)
Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32841726
Время и книги : [сборник] / Сомерсет Моэм ; [пер. с англ. В. Бернацкой, Е. Корягиной]: Издательство АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107844-7

Аннотация

Сборники «Десять величайших романов человечества» и «Точки зрения» – это остроумные, оригинальные размышления о времени, жизни и литературе, нестандартные и яркие заметки о достоинствах и недостатках гениев. Моэм не признает авторитетов в искусстве и по-своему оценивает произведения Стендаля и Гете, Мопассана и Бальзака, Толстого и Чехова. Его мнение зачастую расходится с общепринятым. Тем интереснее его читать, тем больше поразительных открытий сулит его книга!..

Содержание

Десять величайших романов человечества 5
Десять величайших романов человечества 6
Лев Толстой и «Война и мир» 25
Оноре де Бальзак и «Отец Горио» 57
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Сомерсет Моэм
Время и книги

© The Royal Literary Fund
© Перевод. В. Бернацкая, 2013
© Школа перевода В. Баканова, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Десять величайших романов человечества

Говорит мистер Моэм:

«…читатель должен получать от романа удовольствие. В противном случае роман ничего не стоит. Поэтому можно сказать, что каждый читатель сам себе лучший критик: ведь он один знает, что ему доставляет удовольствие, а что – нет…

Попробую определить, какие качества присущи хорошему роману. Его тема должна быть интересна большинству читателей… Сюжет должен быть ясным и убедительным, иметь начало, середину и конец, который логически вытекал бы из начала. Отдельным эпизодам следует быть правдоподобными и не только развивать тему, но и вырастать из нее. Созданные писателем образы должны обладать индивидуальностью, а их действия определяться характерами… И самое лучшее – если эти характеры будут интересными».

Десять величайших романов человечества

Мне хочется рассказать читателю, как случилось, что я написал эти эссе. Однажды, когда я еще находился в Соединенных Штатах, редактор «Редбук» попросил меня составить список романов, которые, на мой взгляд, были лучшими из лучших. Я выполнил его просьбу и больше об этом не думал.

В кратком пояснении к списку я написал: «Мудрый читатель получит огромное удовольствие от чтения этих книг, если он обладает полезным навыком пропускать лишнее». Через какое-то время американский издатель предложил мне переиздать эти романы, выпустив из них «лишние» куски, и снабдить каждый роман предисловием. Предложение меня заинтересовало, и я засел за работу. Большинство этих предисловий напечатали, некоторые появились в сокращенном виде в «Атлантик мантли», и так как оказалось, что читателей они заинтересовали, было решено удобства ради издать их в одной книге.

Первоначальный список претерпел одно изменение. Заканчивался список романом Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», но по ряду причин в окончательный вариант он не вошел. Сожалений по этому поводу я не испытываю. Роман Пруста – величайший роман столетия – очень длинный, и даже при существенных сокращениях его невоз-

можно привести к приемлемому объему.

Успех его был огромен, но пришел слишком быстро, и требуется время, чтобы потомки оценили роман по заслугам. Фанатичным поклонникам Пруста, к коим я причисляю и себя, интересно каждое его слово; однажды, прибегнув к гиперболе, я написал, что скорее предпочту заскучать над Прустом, чем стану приятно проводить время над книгой другого автора, однако теперь готов признать, что не все части романа равноценны. Мне представляется, что последующие поколения потеряют интерес к тем пространным описаниям, которые написаны Прустом под влиянием господствовавших в его время психологических и философских теорий. Некоторые из них уже признаны ошибочными. Думаю, тогда станет еще очевиднее, что он великий юморист и его талант создавать оригинальные, разнообразные и жизненные характеры ставят его на один уровень с Бальзаком, Диккенсом и Толстым. Конечно, могло случиться так, что в сокращенной версии романа опущенными оказались бы те места, которые со временем станут цениться меньше, а остались бы те, что являются сущностью произведения и представляют непреходящий интерес. «В поисках утраченного времени» по-прежнему был бы огромным романом, но и превосходным.

Окончательный список десяти лучших романов выглядит так:

«Том Джонс»,

«Гордость и предубеждение»,
«Красное и черное»,
«Отец Горио»,
«Дэвид Копперфилд»,
«Грозовой Перевал»,
«Госпожа Бовари»,
«Моби Дик»,
«Война и мир»,
«Братья Карамазовы».

Начнем с того, что признать существование десяти лучших романов человечества – явная нелепость. Нет десяти лучших романов. Не уверен, что можно говорить даже о сотне; если попросить пятьдесят человек, начитанных и культурных, выбрать сто лучших романов, то по меньшей мере двести или триста произведений будут упомянуты не один раз, и, думаю, что в этих пятидесяти списках, если их составят люди, говорящие на английском, найдут место и мои десять романов. Я делаю акцент на анг лоязычном читателе, потому что по крайней мере один из десяти романов – «Моби Дик» – мало известен образованной европейской публике, и у меня есть большие сомнения, что его знает в Германии, Испании или Франции кто-то, помимо студентов, изучающих английскую литературу. В восемнадцатом веке во Франции увлеченно читали английскую литературу, но с того времени вплоть до сегодняшнего дня французы переста-

ли проявлять интерес к чему-либо, написанному за пределом их границы, и потому во французский список ста лучших романов войдут произведения или неизвестные в англоязычных странах, или малочитаемые.

Большой разброс мнений можно легко объяснить. Существует множество причин, по которым определенный роман может понравиться даже искушенному читателю, и тот отыщет в нем выдающиеся достоинства. Ведь он мог прочесть роман в определенный период своей жизни или при особых обстоятельствах, когда сочинение легко могло его растрогать или тема и место действия привлечь в результате личных склонностей или ассоциаций. Я допускаю, что страстный любитель музыки назвал бы «Мориса Геста» Генри Гендела Ричардсона[1] одним из десяти лучших романов, а уроженец «Пяти городов», восхищенный точностью, с какой Арнольд Беннетт[2] описал дух места и его обитателей, включил бы в список «Повесть о старых женщинах». Оба романа хороши, но я не думаю, что читатель с непредвзятым мнением назвал бы их среди десяти лучших. К некоторым книгам читателя влечет его национальность, по этой же причине он находит в них больше достоинств, чем остальная публика. В качестве примера скажу, что любой образованный француз,

---

[1] Генри Гендел Ричардсон (наст. имя Этель Ричардсон, 1870–1946) – австралийская писательница. – *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Арнольд Беннет (1867–1931) – английский писатель. Как романист наиболее полно раскрылся в цикле романов о промышленном районе – «Пять городов» («Анна из Пяти городов», 1902, «Повесть о старых женщинах», 1908).

составляя подобный список, включил бы в него «Принцессу Клевскую» мадам де Лафайет, что было бы справедливо, ибо роман обладает выдающимися достоинствами. В литературе это первый психологический роман; сама история – трогательная и убедительная, характеры изображены тонко и изящно; роман написан с блеском и не затянут. Действие относится ко времени, хорошо известному каждому французскому школьнику – нравственное состояние общества знакомо ему по драмам Корнеля и Расина; ассоциации с наиболее великолепным периодом французской истории придают роману особый шарм, а сам он является весомым вкладом в этот золотой век французской литературы. Но английскому или американскому читателю герои могут показаться искусственными, их поведение – неестественным, а обостренное чувство чести, отношение к собственному достоинству – смешными. Я не говорю, что они правы, просто подобные читатели никогда не назвали бы этот роман в числе десяти лучших.

Но, как мне представляется, главной причиной такой разбросанности мнений по поводу достоинств разных романов является несовершенство самой романной формы. Не существует идеального романа. Во всех десяти, названных мною, есть к чему придраться, что я и собираюсь сделать в предисловиях к ним, потому что ничто не принесет больший вред читателю, чем неумеренная хвала, часто сопровождающая книги, обычно причисляемые к классике. Читатель видит,

что тот и тот эпизоды совершенно неправдоподобны, вот эти характеры фальшивы, а некоторые описания скучны. Если он отличается вспыльчивым нравом, то станет кричать, что критики, заверившие его, что он прочтет шедевр, – сборище идиотов; если он человек скромный, то станет винить себя, решив, что роман выше его понимания; а если он упрямый и настойчивый, то добросовестно продолжит чтение, но удовольствия не получит. Однако от чтения читатель должен получать удовольствие. В противном случае роман ничего не стоит. Поэтому можно сказать, что каждый читатель сам себе лучший критик: ведь он один знает, что ему доставляет удовольствие, а что – нет. Никто не заставляет читать беллетристику. Критик может оказать помощь, указав, что, по его мнению (и в этом его важная функция), относится к достоинствам романа, который признан великим, и в чем его недостатки. Но, повторюсь, главное – предупредить читателя, что тому не следует искать в романе совершенства.

Перед тем как подробнее поговорить об этом, мне хочется сказать кое-что о читателях беллетристики. Романист имеет право требовать от них определенных вещей. Имеет право требовать определенного усердия, необходимого для прочтения книги в триста или четыреста страниц, и достаточного воображения, чтобы мысленно представить сцены, которыми писатель хочет их заинтересовать, и вдуматься в созданные образы. И наконец, романист имеет право ждать от своих читателей способности к сочувствию, иначе они не

смогут сопереживать любви, печали, горестям, опасностям и приключениям героев романа. Если читатель не может отдать частицу себя, он не получит от романа то лучшее, что тот способен дать.

Сейчас я попробую определить, какие качества, на мой взгляд, присущи хорошему роману. Его тема должна быть интересна большинству читателей – не только определенному слою, будь то критики, профессора, интеллектуалы, водители грузовиков или посудомойки, – она должна быть интересной самым разным мужчинам и женщинам. Для ясности приведу пример: можно написать роман о системе Монтессори[3], чрезвычайно интересный педагогам, но я никогда не поверю, что он поднимется выше посредственного произведения. В хорошем романе сюжет должен быть ясным и убедительным, иметь начало, середину и конец, который логически вытекал бы из начала. Отдельным эпизодам следует быть правдоподобными и не только развивать тему, но и вырастать из нее. Созданные писателем герои должны обладать индивидуальностью, а их действия определяться характерами, чтобы читатель никогда не мог сказать: такой-то и такая-то никогда не поступили бы так, а напротив, сказал бы: как раз этого я и ждал от героев. И самое лучшее – если характеры героев будут интересными.

Флобер написал роман под названием «Воспитание

---

[3] Система обучения и воспитания детей, разработанная педагогом и врачом Марией Монтессори (1870–1952), основана на идеях свободного воспитания.

чувств» – его превозносят многие замечательные критики, – сознательно сделав главным персонажем человека такого незначительного, такого невыразительного, что невозможно сопереживать ни тому, что он делает, ни тому, что с ним происходит; в результате, несмотря на неоспоримые достоинства книги, ее трудно читать. Думаю, мне следует объяснить, почему я утверждаю, что герои должны обладать индивидуальностью; от писателя трудно ожидать, чтобы он создал совершенно новые характеры: человеческая природа – вот материал, с которым он работает, и хотя существует множество типов людей самого разного общественного положения, все же эти типы не бесконечны, да и романы, рассказы, пьесы, эпопеи пишутся не одну сотню лет, и шанс, что писатель создаст принципиально новый характер, ничтожный. Окидывая беглым взглядом прош лую литературу, я вижу только один абсолютно оригинальный образ – Дон Кихота, но нисколько не удивлюсь, если какой-нибудь ученый критик отыщет в глубине веков его прототип. Можно считать, что автору повезло, если он сумел пропустить характеры через свою индивидуальность, – конечно, если та необычна, – и придать им обманчивый облик оригинальности.

Характер должен определять не только поведение, но и речь героя. Светская женщина должна говорить как светская женщина, проститутка – как проститутка, продавец мороженого – как продавец мороженого, адвокат – как адвокат. Диалогу не следует быть беспорядочным или выражать мысли

самого автора; задача диалога – раскрыть характер говорящего и способствовать развитию действия. Описания должны быть живыми, относящимися к делу, и не длиннее, чем требуется для того, чтобы заинтересовать читателя, а ситуации, в которых действуют герои, – понятными и убедительными. Изложение – достаточно простым, чтобы роман мог с легкостью прочесть человек с рядовым образованием, а стиль – так подходить к содержанию, как хорошо сшитая туфелька – хорошенькой ножке. И конечно же, роман должен быть занимательным. Я заговорил об этом в конце, но это непременное качество, без которого все остальные теряют смысл. Никто, находясь в своем уме, не станет читать роман, чтобы чему-то научиться или получить назидание. Если читателю надо именно это, то он будет круглым дураком, если откроет роман, а не учебник или сборник проповедей.

Но даже если роман обладает всеми перечисленными качествами – а это весьма много, – в самой его форме, словно изъян в драгоценном камне, есть некий дефект, не позволяющий добиться совершенства. Жанр рассказа позволяет прочесть его – в зависимости от длины – за время от десяти минут до часа; в нем одна четкая тема – некое событие или несколько тесно связанных друг с другом событий, духовного или физического свойства, обретающих к финалу законченность. В идеале к рассказу нельзя ничего прибавить или от него убавить. Думаю, тут можно достичь совершенства, и более того, не сомневаюсь, что не составит труда собрать

приличное количество рассказов, где это достигнуто. Но роман может быть любой длины – таким огромным, как «Война и мир», где на протяжении определенного времени происходят разные события и действует множество героев, или таким коротким, как «Кармен». И вот, чтобы повествование было правдоподобным, а характеры героев не казались фальшивыми, автор должен включать в текст некоторые факты, имеющие отношение к основной истории, но неинтересные сами по себе. События часто нужно отделять одно от другого временным отрезком, и автору приходится для равновесия придумывать в меру сил куски текста, которые заполнили бы лакуны. Такие куски называются вставками. Некоторые писатели стремятся обойтись без них и перескакивают, так сказать, от одного яркого события к другому, не менее яркому, но мне не приходит в голову ни один пример, когда такое решение привело бы к успеху. Большинство предпочитает вставки, добиваясь большего или меньшего успеха, однако очевидно, что в целом читать их будет утомительно.

Писатель – человек, у него есть свои увлечения и фантазии, а свободная форма романа – особенно если он написан на английском или русском языках, – дает возможность поговорить о том, что близко его сердцу, и редко у кого хватает силы духа или критического чутья понять: то, что интересно ему, не обязательно вставлять в роман, если в этом нет необходимости. Почти невероятно, чтобы писатель при его повышенной чувствительности не был подвержен модным влия-

ниям своего времени, и потому он часто пишет о том, что при изменении моды теряет привлекательность. Позвольте привести пример: до девятнадцатого века романисты отводили пейзажу мало места – несколько слов, и все, но с приходом романтизма стало модным вводить в тест пространные описания ландшафта. Герой не мог пойти и купить в аптеке зубную щетку без того, чтобы автор не сообщил, как выглядели дома, мимо которых он проходил, и что продавалось в магазинах. Рассвет и закат, звездная ночь, безоблачное небо, растущая и убывающая луна, беспокойное море, снежные вершины гор, мрачные леса – все давало повод для бесконечных описаний. Многие из них были очень красивы, но совершенно излишни, и писатели не скоро поняли, что самый поэтический, великолепно написанный пейзаж выглядит неуместно, если в нем нет необходимости – то есть если он не способствует раскрытию сюжета и не рассказывает читателю нечто важное о героях. В этом еще одно несовершенство романной формы, но и оно не последнее – есть еще недостаток, которого не избежать. Так как роман – жанр, предполагающий достаточную длину произведения, он соответственно требует и определенного времени на написание – нескольких недель по меньшей мере, обычно нескольких месяцев, а иногда и лет. Невозможно находиться так долго под чарами вдохновения. Не люблю употреблять последнее слово. По отношению к прозе оно звучит несколько претенциозно, и я предпочел бы оставить его поэтам. По-

этическое искусство благороднее прозы, но у прозаиков есть компенсация: стихотворение, если оно не шедевр, остается неизвестным публике, а роман, даже не очень удачный, привлекает внимание. Но прозаик пишет под влиянием если не вдохновения, то того, что я, за неимением лучшего слова, назову подсознанием. Возможно, потому, что этот неопределенный термин, обозначающий нечто смутное, как нельзя лучше дает представление о писателе, который является активным деятелем, только пока не начал писать, ведь тогда он становится чем-то вроде пишущего под диктовку секретаря; он обнаруживает, что пишет о вещах, о которых даже не подозревал, что знает; к нему неизвестно откуда приходят удачные мысли, а неожиданные идеи сваливаются на него как нежданные гости. Не думаю, что тут замешана мистика: неожиданные идеи – несомненно, результат прошлого жизненного опыта; удачные мысли возникают от ассоциаций, а вещи, о которых он думал, что их не знает, хранились в тайниках памяти. Подсознание вынесло их на поверхность, и они спокойно потекли с пера на бумагу. Однако подсознание своевольно и несговорчиво, на него нельзя давить и его не разбудишь никаким усилием воли; оно похоже на ветер, который дует, куда хочет, и на дождь, который равно поливает и правого и виноватого. У опытного писателя есть разные способы добиться его помощи, но иногда подсознание упрямится. Предоставленному самому себе – а в такой затяжной работе, как написание романа, это случается часто, – писа-

телю остается только положиться на упорство и трудолюбие и на свой опыт. Будет чудом, если при помощи только этих качеств ему удастся удержать внимание читателя.

Когда я прикинул, сколько препятствий приходится преодолевать прозаику, скольких ловушек избегать, меня перестало удивлять несовершенство даже великих романов. Напротив, меня удивляло, когда недостатков было не так много. В основном по этой причине невозможно отобрать десять романов и сказать, что именно они лучшие. Могу назвать еще десять, которые по-своему не хуже тех, что я отобрал: «Анна Каренина», «Преступление и наказание», «Кузина Бетти», «Пармская обитель», «Доводы рассудка», «Тристрам Шенди», «Ярмарка тщеславия», «Миддлмарч»[4], «Послы»[5], «Жиль Блаз». Я могу привести убедительные причины, почему отобрал первые десять, и не менее убедительные, почему отобрал только что названные. Мой выбор случаен.

В прошлом читатели предпочитали длинные романы и автору подчас приходилось готовить для печатного станка больше материала, чем того требовал сюжет. Но нашелся простой выход. Автор вставлял в текст романа отдельные истории, иногда настолько длинные, что они тянули на новел-

---

[4] «Миддлмарч» – роман английской писательницы Джордж Элиот (наст. имя Мэри Энн Эванс, 1819–1880).

[5] «Послы» (1903) – роман американского писателя Генри Джеймса (1843–1916).

лы, – вставки не имели ничего общего с основной темой или в лучшем случае – самое отдаленное касательство. Ни один писатель не делал этого с большей беспечностью, чем Сервантес в «Дон Кихоте». К этим вставкам всегда относились как к бесполезным пустотам в бессмертном творении, сейчас их пробегают глазами в раздражении. Современники критиковали писателя за это, и во второй части романа он изжил эту дурную привычку, совершив то, что обычно считается невозможным: продолжение романа лучше первой части; однако это не помешало преуспевающим писателям (которые, несомненно, не читают критику) пользоваться привычным приемом, дающим им возможность передать книгопродавцам объемный том, подходящий для продажи. В девятнадцатом столетии новые способы публикации принесли писателям очередные искушения. Ежемесячные журналы, отводящие много места тому роду литературы, который пренебрежительно зовется «легким», стали процветать, давая авторам возможность представлять свою работу публике частями с выгодой для себя. Приблизительно в то же время издатели поняли, что имеет смысл издавать романы популярных писателей в ежемесячных выпусках. В обоих случаях авторы были обязаны предоставить к сроку определенное количество страниц. Подобная система располагала к нетребовательности к себе и многоречивости. Во Франции, где платили по строчкам, авторы не колеблясь писали их как можно больше. Таким образом они зарабатывали на жизнь, но даже

в этом случае гонорары были невысоки. Однажды Бальзак, побывав в Италии и находясь под сильным впечатлением от увиденных картин (а кто бы остался равнодушным?), прервал сюжетную линию романа и вставил в текст ни больше ни меньше как статью об этих картинах. По признанию авторов таких сериалов, иногда даже лучшие из них – Диккенс, Теккерей, Троллоп – считали ненавистной обязанностью в срок сдать очередную главу. Неудивительно, что они раздували текст, перегружая его не относящимися к делу эпизодами. Однажды печатники предупредили за короткий срок Диккенса, что в очередном ежемесячнике ему отвели два листа, шестнадцать страниц, и ему пришлось сесть за работу и вымучивать из себя текст, стараясь, чтобы тот был как можно пристойнее. Диккенс уже изрядно поднаторел в такой работе, и совершенно очевидно, что первым делом он написал страницы, которые были важны для продолжения основной темы романа.

Но у читателя нет никаких причин мириться с недостатками романа – не важно, присущи они изначально его форме, проистекают от слабости писательского дара, или от моды, или от способа печати. Для нормального читателя чтение романа – не работа. Для него чтение – развлечение. Он хочет уйти от своих проблем и готов погрузиться в жизнь героев, увидеть, как они поведут себя в данных обстоятельствах и что с ними случится; он сочувствует их невзгодам и радуется успехам; он ставит себя на их место и в какой-то степени жи-

вет их жизнью. Их мировоззрение, отношение к важным вопросам человеческой мысли, высказанные в словах или показанные в действиях, вызывают в нем удивление, удовольствие или негодование. Однако он инстинктивно чувствует, что именно ему интересно, и выискивает это так же уверенно, как собака лисий след. Иногда из-за просчета автора он теряет след на какое-то время, пока вновь не нападает на него. Остальное приходится читать по диагонали.

Всем свойственно пропускать какие-то куски текста, но делать это без потерь трудно. Насколько мне известно, некоторые люди от природы обладают даром динамического чтения, но его можно обрести и тренировкой. Доктор Джонсон[6] мастерски им владел, и Босуэлл[7] рассказывает, что «у того была удивительная способность с первого взгляда понять, что есть главное в любой книге, не тратя времени на чтение ее с начала до конца». Но Босуэлл, несомненно, имел в виду научную литературу; что до романа, то если читать его трудно, лучше не читать вовсе. Однако, к сожалению, из-за несовершенства формы, присущего роману, из-за просчетов автора или способов публикации лишь небольшое число романов можно прочесть полностью с неослабевающим интересом. Перескакивать с одного места на другое – возможно,

---

[6] Сэмюэл Джонсон (1709–1784) – английский критик и поэт эпохи Просвещения.

[7] Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель, друг и биограф Сэмюэла Джонсона.

плохая привычка, но она навязана читателю. Впрочем, когда читатель начинает опускать то одно, то другое место, он может пропустить многое, что было бы интересно узнать.

Читатели прошлых времен, похоже, обладали большим терпением, чем нынешние. Развлечений было немного, и они могли читать длинные романы, что теперь делать довольно трудно. Прежних читателей не раздражали отступления и несоответствия, разбивавшие повествование. Но некоторые из романов с подобными недостатками – одни из лучших, что были написаны. Печально, что по этой причине их будут все реже читать.

Эта книга была задумана с тем, чтобы заставить читателей познакомиться с ними. Была предпринята попытка убрать из выбранных десяти романов то, что не относится непосредственно к истории, которую рассказывает автор, к его мыслям по этому поводу и раскрытию созданных образов. Некоторые изучающие литературу студенты, профессора и критики воскликнут: ужасно, когда калечат шедевр, его надо читать в том виде, в каком он написан. Но делают ли это они сами? Думаю, они прибегают к динамическому чтению, пропуская ненужное, – возможно, они отточили навыки такого чтения для своей пользы, но большинство людей не умеют этого, и будет лучше, если это сделает за них кто-то, обладающий вкусом и интуицией. Если он справится с этой работой, то подарит читателю роман, который тот прочтет, наслаждаясь каждым словом.

О «Дон Кихоте» Кольридж сказал, что роман надо один раз прочесть внимательно, а впоследствии только в него заглядывать, то есть косвенно подтвердил, что некоторые части в нем скучны и даже нелепы, и читать их снова – пустая трата времени. Это великий и значительный роман, и профессионально изучающий литературу студент должен, без сомнения, один раз прочесть его целиком (лично я прочел его от корки до корки три раза), но я убежден, что обычный читатель, читающий для своего удовольствия, ничего не потеряет, пропустив скучные места. Напротив, тем больше он насладится теми частями книги, где происходят приключения, а благородный рыцарь и его практичный оруженосец ведут между собой забавный и трогательный разговор. Есть еще один роман, тоже весьма значительный, хотя назвать его великим будет большой натяжкой. Это «Кларисса» Сэмюэла Ричардсона, справиться с объемом которого могут только самые стойкие приверженцы романа. Не думаю, что я когда-нибудь прочел бы его, если бы случайно не наткнулся на сокращенный вариант. Работа по сокращению романа была проделана очень искусно, и у меня не возникло чувства, что нечто важное упущено.

В сокращениях нет ничего предосудительного. Не сомневаюсь, что любая увидевшая сцену пьеса в процессе репетиций подвергалась большей или меньшей переработке.

Не вижу причин, почему с романом нельзя поступить так же. Ведь мы знаем, что в большинстве издательств есть штат

редакторов, в чьи обязанности входит работа с рукописью, после чего книга обычно становится лучше. Если читатели начнут читать великие романы, которых не знали раньше, пока из них не выбросили куски, подобно тому, как с дерева спиливают сухие ветви, значит, усилия издателей и редакторов оправданны. Читатели не потеряли ничего важного – в книгах все сохранилось, и они получат полноценное интеллектуальное наслаждение.

Лев Толстой и «Война и мир»

Я считаю Бальзака величайшим романистом всех времен и народов, но самым великим романом – «Войну и мир» Толстого. Не было раньше и, по моему убеждению, не будет и впредь романа столь всеобъемлющего, действие которого – с огромным количеством героев – разворачивается в исключительно важный исторический период. Его справедливо называют эпопеей. Не знаю другого произведения, которое, не лукавя, можно было бы так же охарактеризовать. Страхов, друг Толстого и замечательный критик, выразил свое мнение в нескольких выразительных предложениях: «Полная картина человеческой жизни. Полная картина тогдашней России. Полная картина того, что можно назвать историей и борьбой народов. Полная картина всего, в чем люди полагают свое счастье и величие, горе и унижение. Вот что такое «Война и мир».

Когда Толстой начал писать роман, ему было тридцать шесть – возраст, когда творческая активность находится на самом пике, – закончил его только через шесть лет. Выбранное им время действия – наполеоновские войны, кульминация – вторжение Наполеона в Россию, пожар Москвы, отступление и разложение французского войска. В начале работы Толстой собирался написать роман из семейной жизни мелкопоместного дворянства, а исторические события долж-

ны были служить всего лишь фоном. Предполагалось, что герои романа, переживая испытания, духовно растут и в конце, очистившись после многих страданий, находят покой и счастье в лоне семьи. Однако во время работы Толстой стал уделять все больше внимания титанической битве противоборствующих сил и, основываясь на обширных знаниях, создал свою философию истории, о которой я вкратце скажу позже.

Считается, что в романе около пятисот персонажей. Все они четко охарактеризованы и ясны для читателя. Уже это большое достижение. Внимание автора сосредоточено не на двух или трех героях, как в большинстве романов, и даже не на одной группе, а на членах четырех аристократических семейств – Ростовых, Болконских, Курагиных и Безуховых. Трудность, которую всегда испытывает романист, если тема затрагивает судьбы больше чем одной группы людей, заключается в сложности мотивированного переключения действия из одной среды в другую, переключения естественного, чтобы его приняли. Тогда читатель понимает, что в течение некоторого времени ему рассказывали то, что необходимо знать об одной группе персонажей, и теперь готов выслушать, как обстоят дела у других, о судьбе которых он все это время ничего не знал. В целом Толстому удается делать это так органично, что кажется, будто нить повествования не прерывается.

Как и большинство писателей, Толстой создавал персона-

жей, используя черты людей, которых знал или о которых слышал; конечно, он использовал их только как типажи, и, как только включал воображение, они становились его творениями. По слухам, образ расточительного графа навеян дедом, Николая Ростова – отцом, а трогательной и пленительной княжны Марьи – матерью. Создавая образы двух мужчин, которых можно назвать главными героями романа, – Пьера Безухова и князя Андрея, – Толстой, по мнению многих, имел в виду себя; зная его противоречивую личность, предположить такое вовсе не странно: на примере этих полярных персонажей он хотел прояснить и постичь собственный характер. Пьер и князь Андрей сходны в том, что, как и Толстой, ищут внутренней гармонии, задаются вопросом, в чем тайна жизни и смерти, и не находят на него ответа; в остальном это совершенно разные люди. Князь Андрей – личность романтическая, он галантный кавалер, у него сильно выражено чувство собственного достоинства, он благороден и в то же время заносчив, деспотичен, нетерпим и безрассуден. Но, несмотря на все свои недостатки, он обладает притягательной силой, чего не скажешь о Пьере. Пьер – добрый, сентиментальный, щедрый, скромный, благородный и самоотверженный и одновременно слабый, нерешительный, доверчивый, его так легко обмануть, что это начинает раздражать. Его стремление творить добро, самому быть добрым вызывает сочувствие, но так ли необходимо делать его дураком? А главы, где в поисках ответа на мучаю-

щие его загадки бытия он присоединяется к «вольным каменщикам», одни из самых скучных в романе.

Они оба влюблены в Наташу, младшую дочь графа Ростова – самый пленительный образ юной девушки в литературе. Нет более трудной задачи, чем написать портрет девушки – обворожительной и в то же время интересной. В литературе такие девушки обычно бесцветны (Эмилия в «Ярмарке тщеславия»), самоуверенны (Фанни в «Мэнсфилд-парке»), слишком уж умны (Констанция Дарем в «Эгоисте») или слегка простоваты (Дора в «Дэвиде Копперфилде»), они или глупенькие кокетки, или невинны до умопомрачения. Вполне объяснимо, что писателю трудно дается такой характер: ведь в юном возрасте личность еще не сформировалась. Подобным образом и художник может сделать портрет значительным, только если превратности судьбы, размышления, любовь и страдания наложили на него свою печать. Рисуя юную девушку, самое большее, чего он может достичь, – это передать на холсте прелесть и красоту юности. Но Наташа совершенно естественна. Она мила, впечатлительна, полна сочувствия, своевольна, по-женски идеалистична, вспыльчива, сердечна, упряма, капризна – и всегда очаровательна. Толстой создал много женских образов, все они удивительно жизненны, однако ни одна так не пленяет сердце читателя, как Наташа.

В такой огромной книге, как «Война и мир», которая так долго создавалась, неизбежно найдутся места, написанные

автором недостаточно ярко и живо. Я уже говорил, что скучна и затянута история взаимоотношений Пьера и масонов, а к концу романа, как мне кажется, Толстой несколько утратил интерес к своим героям. У него сложилась собственная философия истории, которую кратко можно изложить так: не великие люди оказывают влияние на течение событий, а некая заключенная в народах сила, подспудно ведущая их к победе или поражению. Александр, Цезарь, Наполеон – всего лишь подставные фигурки, символы несущей их силы, которую они не могут контролировать и которой не могут сопротивляться. Наполеон выигрывал сражения не благодаря своему стратегическому дару и большой численности войска, ведь его приказы не исполнялись, и не потому, что изменилась ситуация или ответный удар не нанесли во время, а потому, что враг был убежден: битва проиграна, и бежал с поля боя. Для Толстого герой войны – главнокомандующий Кутузов, потому что он ничего не делает, избегает решительной битвы и просто ждет, когда французская армия сама себя уничтожит. Возможно, здесь, как и во всех других теориях Толстого, изрядная доля истины перемешана с изрядной долей заблуждения – примером может служить его эстетический трактат «Что такое искусство», – но я не могу считать себя экспертом в этом вопросе. Допускаю, что именно для подтверждения своей теории он посвятил так много глав подробному описанию отступления французской армии из Москвы. С исторической точки зрения это, наверное, хоро-

шо, но с литературной – не очень.

Но если художественная мощь Толстого убывает в последней части его великого романа, то она с лихвой возвращается к нему в эпилоге. Великолепная находка. И до него романисты обычно рассказывали читателю, что произошло с главными героями после того, как закончилась основная история. Ему сообщали, что герой и героиня жили счастливо и благополучно, информировали о количестве детей; главный же негодяй, если его не успели прикончить до конца романа, прозябал в нищете, женившись на ворчливой карге, – то есть получал по заслугам. Такой эпилог носил формальный характер, был не больше одной-двух страниц, оставляя у читателя впечатление, что автор снисходительно бросил ему на прощание кость. Толстой же написал по-настоящему важный эпилог. Прошло семь лет, и мы оказываемся в доме Николая Ростова, старшего сына графа, женатого на богатой женщине и имеющего детей; к ним приехали погостить Пьер и Наташа. Наташа замужем, и у нее тоже есть дети. Но их высокие стремления, жизненная активность сменились скучным, обеспеченным, спокойным существованием. Они любят друг друга, но ох какими неинтересными они стали, какими заурядными! После всех перипетий, после пережитых страданий и боли они превратились в самодовольных людей среднего возраста. Нежная, непредсказуемая, очаровательная Наташа стала рачительной матерью семейства. Отважный и благородный Николай Ростов – теперь самоуверен-

ный хозяин поместья, а Пьер, все такой же толстый и добродушный, нисколько не поумнел. Счастливый конец – глубоко трагичен. Не думаю, чтобы Толстой писал эпилог, испытывая при этом горечь, просто он знал, что все к этому приходят, и говорил правду.

Толстой вышел из среды, где не часто рождаются известные писатели. Самый младший из пятерых детей графа Николая Толстого и княжны Марии Волконской родился в Ясной Поляне, родовом имении матери. Родители умерли, когда он был еще ребенком. Сначала он учился дома, потом в Казанском и Петербургском университетах. Студент он был плохой и диплома нигде не получил. Родственные связи открыли ему двери аристократических домов; он посещал балы, званые вечера и приемы – сначала в Казани, потом в Санкт-Петербурге и Москве. Служил на Кавказе и участвовал в Крымской войне.

В то время он много пил и играл в азартные игры; однажды, чтобы отдать карточный долг, ему пришлось продать дом в Ясной Поляне, доставшийся по наследству. Страстный по натуре, на Кавказе он зара зился гонореей. Из дневников видно, что после ночного кутежа, ночи за картами, или с женщинами, или пирушки с цыганами, – последнее, если судить по русской литературе, наивно считается, или считалось, отличным времяпрепровождением, – его мучили угрызения совести; однако, когда подворачивался случай, все повторялось. Физически крепкий, он мог без устали ша-

гать весь день или провести десять – двенадцать часов в седле, но роста был небольшого и невзрачной наружности. «Я знал, что некрасив, – писал он. – Были минуты, когда меня охватывало отчаяние: я думал, что нельзя быть счастливым на земле человеку с таким широким носом, толстыми губами и маленькими серыми глазками; и я просил Бога совершить чудо и сделать меня красивым, за красивое лицо я отдал бы все, что у меня есть и что будет в будущем».

Он не знал, что нелюбимое им некрасивое лицо излучает духовную силу, делавшую его бесконечно привлекательным. Не видел своего взгляда, придававшего обаяние облику. В то время он элегантно одевался (надеясь, как бедняга Стендаль, что модная одежда компенсирует некрасивость), не забывая о своем высоком социальном положении. Один из студентов, учившихся с ним в Казанском университете, пишет: «Я избегал графа, который в нашу первую встречу вызвал у меня неприязнь холодным высокомерием, жесткой щетиной волос и пронзительным взглядом полуприкрытых глаз. Раньше я никогда не встречал молодого человека с таким холодным и – непонятным для меня – надменным и самодовольным видом… Он едва ответил на мое приветствие, словно желал показать, что у нас разное положение…» И в армии он смотрел на товарищей-офицеров со снисходительным презрением. «Сначала, – писал Толстой, – многое шокировало меня в обществе, но постепенно я привык, хотя и не сближался с этими господами. Я нашел золотую середину

– ни высокомерия, ни фамильярности».

Служа на Кавказе и впоследствии в Севастополе, Толстой написал несколько очерков и рассказов, а также идеализированное описание своего детства и ранней юности; напечатанные в журнале, они вызвали у публики живой интерес, и когда он вернулся с войны, его тепло приняли в Петербурге. Однако ему не понравились люди, с которыми он познакомился. Да и он им не приглянулся. Убежденный в собственной искренности, Толстой всегда сомневался в искренности других, о чем без тени сомнения им сообщал. Мнение рождалось у него мгновенно – он его никогда не вынашивал. Он был несдержан, груб в возражениях и высокомерно безразличен к чувствам других людей. Тургенев говорил, что ничто не приводило его в такое замешательство, как инквизиторский взгляд Толстого, который вкупе с несколькими едкими словами мог привести человека в ярость. Толстой плохо переносил критику, и когда случайно прочитывал в печати неодобрительный отзыв о себе, сразу посылал автору вызов, и его друзьям стоило большого труда предотвратить дуэль по пустячному поводу.

В это время Россия переживала всплеск либерализма. На повестке дня стоял срочный вопрос об освобождении крестьян, и Толстой, проведя несколько месяцев в столице в легкомысленных забавах, вернулся в Ясную Поляну с твердым намерением освободить своих крепостных, но те, боясь подвоха, отказались. Тогда он открыл для крестьянских де-

тей школу. Его методы были революционные. Ученики имели право не ходить в школу, а находясь в ней, не слушать учителя. Не существовало никакой дисциплины, отсутствовали наказания. Толстой проводил с детьми весь день – учил, а вечером играл с ними, рассказывал разные истории и пел песни.

Приблизительно в то же время у Толстого началась связь с женой его крепостного, в результате чего родился сын. В более поздние годы незаконнорожденный Тимофей служил кучером у одного из младших сыновей графа. Биографам этот факт представляется любопытным: у отца Толстого тоже был незаконнорожденный сын, который также служил кучером в семье Толстых. Лично мне это кажется своего рода моральной черствостью. Скорее можно было бы предположить, что Толстой, с его обостренной чувствительностью, с твердой решимостью вывести крепостных из их униженного положения, дать им образование, приучить к чистоте, порядочности, самоуважению, – что-то сделает и для собственного сына. У Тургенева тоже был незаконнорожденный ребенок, девочка, но он заботился о ней, нанял учителей, был серьезно озабочен ее благополучием. Неужели Толстой не испытывал смущения, видя на облучке родного сына, который везет брата, законного наследника?

Одна из особенностей толстовского темперамента – его способность страстно увлекаться новым делом, но со временем неизбежно остывать. Не ослабное упорство – не его доб-

родетель. Два года он руководил школой в Ясной Поляне, но потом счел результаты своей деятельности неудовлетворительными и закрыл ее. Он устал, испытывал недовольство собой и плохо себя чувствовал. Позднее он писал, что мог впасть в отчаяние, если бы не оставалась еще одна, не исследованная им сторона жизни, позволявшая надеяться на счастье, – женитьба.

И Толстой решился на эксперимент. Ему тогда было тридцать четыре года. Он женился на Соне, восемнадцатилетней девушке, младшей из двух дочерей доктора Берса, известного московского врача и старого друга семьи. Молодые поселились в Ясной Поляне. За первые одиннадцать лет супружеской жизни графиня родила восемь детей и пять за последующие пятнадцать.

Толстой любил лошадей, хорошо ездил верхом, и еще он страстно любил охоту. Он навел порядок в хозяйстве и купил новые имения к востоку от Волги, став собственником шестнадцати тысяч акров земли. Жизнь протекала в обычном для его круга русле. В России многие дворяне в юные годы играли по крупной, пьянствовали и развратничали, потом женились, заводили детей и, остепенившись, уединялись в своих имениях, ездили верхом, охотились; довольно многие разделяли либеральные взгляды Толстого – их мучило невежество крестьян, чудовищная бедность и нищета, в какой те жили, и они искали пути улучшения положения своих крепостных. Толстой отличался от них только тем, что за это

время написал два великих романа – «Войну и мир» и «Анну Каренину». Как такое могло случиться, покрыто тайной; это так же необъяснимо, как написание сыном и наследником ограниченного сассекского помещика «Оды западному ветру»[8].

В молодости Соня Толстая, по-видимому, была привлекательной девушкой. Грациозная фигура, красивые глаза, слегка крупноватый нос и темные, блестящие волосы. В ней была жизненная сила, задор, она обладала красивым голосом. Толстой долгие годы вел дневник, где писал не только о своих мыслях и надеждах, мольбах и самообвинениях, но также и о проступках – сексуального и прочего характера. Желая ничего не скрывать от будущей жены, он при обручении дал ей прочитать этот дневник. Чтение ее потрясло, но после проведенной в слезах бессонной ночи она вернула дневник со словами прощения. Она простила, но не забыла. Оба были невероятно эмоциональны – как говорится, с характером. Обычно под этим подразумевают, что такие люди обладают некоторыми неприятными чертами. Графиня была придирчивая, властная и ревнивая; Толстой – резкий и нетерпимый. Он настоял, чтобы жена сама кормила грудью детей, – она повиновалась с радостью, но однажды, когда при рождении одного из них груди ее воспалились, и пришлось взять кормилицу, муж несправедливо рассердился на нее. Супруги

---

[8] «Ода западному ветру» – стихотворение английского поэта Перси Биши Шелли (1792–1822).

часто ссорились и бурно мирились. Они очень любили друг друга, и в целом их брак был счастливым. Толстой много работал и неустанно писал. У него был неразборчивый почерк, но графиня, переписывавшая все, что он писал, преуспела в его расшифровке, и даже понимала значение торопливых записей и незаконченных предложений. Говорят, что «Войну и мир» она переписала семь раз.

Профессор Симмонс так описал день писателя: «Вся семья собралась за завтраком, остроты и шутки хозяина оживляют беседу. Но вот он встает со словами: «Пора приниматься за работу», – и скрывается в кабинете, обычно захватив с собой стакан крепкого чаю. Никто не осмеливается его беспокоить. После полудня он выходит, чтобы размяться, – на пешую или конную прогулку. В пять возвращается – к обеду, жадно ест, а когда утолит голод, развлекает всех присутствующих живыми впечатлениями от сегодняшней прогулки. После обеда он снова удаляется в кабинет и читает там до восьми, а потом присоединяется к родным и гостям, пьющим чай в гостиной. Часто там звучит музыка, читают вслух или затевают разные игры для детей».

Это была деятельная, полезная и счастливая жизнь, и казалось, нет никаких причин, чтобы она не продолжалась еще много лет в таком же приятном и размеренном духе: Соня рожала детей, ухаживала за ними, вела дом, помогала мужу в работе, а Толстой ездил верхом, охотился, занимался хозяйством и писал книги. Он был на пороге пятидесяти-

летия – опасного возраста для мужчины. Молодость осталась позади, и, оглядываясь назад, спрашиваешь, чего стоила твоя жизнь, а глядя вперед, видишь приближение старости и никаких особых перспектив. И еще страх, преследовавший Толстого всю жизнь, – страх смерти. От смерти никто не уйдет, и большинство поступают разумно, вспоминая о ней только в моменты опасности или серьезной болезни. Но Толстой о ней никогда не забывал. Вот как он описывает в «Исповеди» свое умонастроение того времени: «Пять лет тому назад со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило, и я продолжал жить по-прежнему. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и все в той же самой форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачем? Ну а потом? Я чувствовал, что под моими ногами пропасть. То, чем я жил, больше не существовало, жить было незачем.

Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать – и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать, но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным.

И это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем: это было тогда, когда мне не было пятидесяти лет. У меня была

добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения. При этом я не только был телесно или духовно нездоров, но, напротив, пользовался силой и духовной, и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках: телесно я мог работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно я мог работать по восьми – десяти часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий.

Душевное состояние это выражалось для меня так: жизнь моя есть какая-то кем-то сыгранная надо мной глупая и злая шутка»[9].

Еще в детстве он перестал верить в Бога, но утрата веры сделала его несчастным и неудовлетворенным: ведь у него не было теории, которая помогла бы ему разгадать загадку жизни. Он спрашивал себя: «Почему я живу, и как мне следует жить?» Ответа не было. Теперь он вновь поверил в Бога, придя к вере рациональным путем, что довольно странно для такого эмоционального человека. «Если я существую, – писал Толстой, – значит, тому должна быть причина, и для всех причин тоже должна быть причина. И первопричина всего – то, что люди называют Богом». Это одно из старейших доказательств существования Бога. Толстой не верил в связь

[9] Цитируется по «Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 23».

между Богом и отдельным человеком и тогда еще не верил в загробное существование, хотя позднее, когда он пришел к выводу, что Личность – часть Бесконечности, ему показалось невероятным, чтобы она умирала вместе с телом. На какое-то время он примкнул к Русской православной церкви, но его оттолкнуло то, что жизнь образованных людей не соответствовала исповедуемым ими принципам, и он понял, что не может верить всему, чего от него ждут. Он был готов принять только то, что было достоверно в простом, буквальном смысле, и стал присматриваться к верующим среди бедных, простых, неграмотных людей, и чем больше он узнавал их жизнь, тем больше убеждался, что, несмотря на суеверия и предрассудки, их вера истинна, потому что необходима: только она вносит смысл в их существование и дает силы жить.

Минули годы, пока Толстой окончательно не выработал свое мировоззрение, и эти годы прошли в мучительных размышлениях и исследованиях. Трудно кратко и точно изложить его взгляды, и я приступаю к такой попытке с большим сомнением. Толстой отвергает все таинства, утверждая, что о них ничего не говорится в учении Христа и они служат только для сокрытия истины; отвергает как очевидный абсурд и оскорбление человеческого разума богословскую систему, в которой излагается христианская доктрина, и приходит к убеждению, что истина кроется только в словах Христа. Он верит, что смысл Его учения лежит в правиле: не со-

противляйтесь злу; заповедь не давать клятв, он распространяет не только на часто повторяемые слова-паразиты, а на любые клятвы – при даче свидетельских показаний, при произнесении воинской присяги; а наказ любить врагов ваших, благословлять проклинающих вас, по его мнению, запрещает защищать страну от врагов или оказывать сопротивление при нападении. Для Толстого естественно жить согласно своим принципам: если он пришел к заключению, что смысл христианства в любви, смирении, самоотречении и воздаянии добром за зло – значит, он должен отказаться от радостей жизни, трудиться, смирять себя, страдать и быть милосердным.

Соня Толстая, благочестивая прихожанка православной церкви, настаивала, чтобы ее дети получили религиозное воспитание, и, как могла, исполняла в этой области свой долг, наложенный на нее Провидением. Она не обладала глубокой духовностью – у нее было слишком мало для этого времени: так много рожала она детей, вскармливала их грудью, следила за их воспитанием, и еще вела большое хозяйство. Она не понимала и не симпатизировала смене мировоззрения мужа, но относилась к этому терпимо. Однако ее стало раздражать, когда духовные перемены стали отражаться на его поведении, и она открыто это показывала. Теперь Толстой считал, что его долг – как можно меньше прибегать к услугам других: он топил печь, носил воду и сам чинил одежду. Чтобы зарабатывать на хлеб своими руками, он на-

учился у сапожника тачать сапоги. В Ясной Поляне он трудился наравне с крестьянами – пахал, убирал сено и колол дрова; графиня всего этого не одобряла: она считала, что с утра до вечера он занимается вредной физической работой, какую даже у крестьян делают молодые люди.

«Ты, конечно, скажешь, – писала она мужу, – что такая жизнь соответствует твоим убеждениям и что тебе она нравится. Это другое дело, и я могу только сказать: получай удовольствие! Но в то же время меня огорчает, что такой могучий интеллект тратится на колку дров, разжигание самоваров и шитье обуви. Как отдых или смена деятельности – это прекрасно, но не как самостоятельное занятие». И в этом она права. Со стороны Толстого было непростительной глупостью думать, что физический труд благороднее умственного. Даже если он считал, что безнравственно писать романы для праздного чтения богатых людей, трудно поверить, что он не мог найти занятия, где требовалась бы большая сообразительность, чем в сапожном деле, – тем более что обувь у него получалась плохая, и люди, которым он ее дарил, не могли ее носить. Толстой стал одеваться как крестьянин, ходил неряшливый и неопрятный. Рассказывают, что однажды он пришел обедать после того, как грузил навоз, и от него так дурно пахло, что пришлось открыть все окна. Он перестал охотиться, хотя в прошлом был страстным охотником, и стал вегетарианцем, протестуя против убийства животных для еды. Толстой уже давно мало пил, а теперь совсем пере-

стал и в конце концов после продолжительной борьбы бросил курить.

К этому времени подросли дети, и ради их образования, а также потому, что старшей дочери Тане пора было выезжать в свет, графиня настояла, чтобы семья провела зиму в Москве. В Москве Толстого потряс контраст между роскошью богачей и нищетой бедняков. «Я чувствовал, и чувствую, и не перестану чувствовать, – писал он, – что, пока у меня есть избыток пищи, а другие голодают, пока у меня два пальто, а у других ни одного, я участвую в постоянно возобновляемом преступлении». Тщетно говорили ему, что богатые и бедные всегда существовали и всегда будут существовать; он чувствовал, что это неправильно. После посещения ночлежки для бездомных он был так потрясен увиденным, что ему было стыдно идти домой и есть обед из пяти блюд, который подавали лакеи в ливреях, в белых бабочках и белых перчатках. Толстой пробовал раздавать деньги беднякам, обращавшимся за помощью в нужде, но пришел к выводу, что выпрашиваемые деньги приносят больше вред, чем добро. «Деньги – зло», – говорил он. – И дающий деньги творит зло». Отсюда один шаг до убеждения, что собственность безнравственна и обладание ею – тоже.

Для такого человека, как Толстой, следующий шаг очевиден: он решил освободиться от всего, чем владел; но на этом пути его ждал яростный конфликт с женой, у которой не было никакого желания становиться нищей и оставлять

детей без копейки. Она грозила подать судебный иск о признании его недееспособным, и после долгих ожесточенных споров Толстой предложил перевести на нее все имущество. Жена отказалась, и тогда он разделил состояние между ней и детьми. Так как подобные споры не раз возобновлялись, он предпринял попытку покинуть дом и жить среди крестьян, но вернулся с пути, понимая, какую боль причинит жене его уход. Он продолжал жить в Ясной Поляне, страдая от окружавшего его умеренного комфорта, однако пользовался им. Разногласия продолжались. Толстой не одобрял традиционное образование, которое графиня давала детям, и не мог ей простить, что она помешала распорядиться собственностью, как ему хотелось.

После духовного переворота Толстой прожил еще тридцать лет, но у меня нет возможности подробно рассказывать об этом периоде. Приходится опустить многое, хотя это не лишено интереса. Толстой становится общественным деятелем и приобретает известность не только как великий русский писатель, но и как всемирно знаменитый романист, педагог и моралист. Люди, стремившиеся жить в соответствии с его взглядами, создавали колонии. Они терпели неудачи, когда пытались применить на практике теорию непротивления злу, и история их злоключений одновременно поучительна и комична.

Из-за подозрительности Толстого, резкости суждений, нетерпимости, нескрываемого убеждения, что несогласие с

ним проистекает только из низких мотивов, у него осталось мало друзей, но по мере роста его славы в Ясную Поляну устремились студенты, паломники, приезжавшие поклониться святым местам России, туристы, поклонники и ученики, богатые и бедные, аристократы и обычные люди.

Как я уже говорил, Соня Толстая была ревнивая собственница, она всегда хотела единолично владеть мужем и возмущалась нашествием чужаков. Ее терпение подвергалось жестокому испытанию: «Познакомив людей со своими прекрасными мыслями, – писала она, – и пережив прилив сентиментальных чувств к себе, он продолжал вести прежнюю жизнь – любил вкусно поесть, катался на велосипеде, ездил верхом, испытывал вожделение». В другой раз она написала в дневнике: «Не могу удержаться от жалоб, потому что все эти вещи, которые он осуществляет на практике ради счастья человечества, так усложняют существование, что мне все труднее жить. Из-за его вегетарианства приходится готовить два обеда, что дороже и больше загружает прислугу. Его проповеди любви и добра оборачиваются равнодушием к собственной семье и вторжением в наш домашний круг разного сброда».

Одним из первых разделил взгляды Толстого молодой человек по фамилии Чертков. Этот богатый гвардейский капитан, поверив в принцип непротивления, вышел в отставку. Честный человек, идеалист и энтузиаст, он, однако, обладал властным характером и уникальной способностью под-

чинять людей своей воле; по словам Элмера Мода[10], все, кто вступал с ним в контакт, становились орудием в его руках, а те, кто спорил с ним, в конце концов уходили. Между ним и Толстым возникла сильная привязанность, конец которой положила смерть писателя; Чертков оказывал на Толстого сильное влияние, что приводило в ярость графиню.

Большинству друзей взгляды Толстого казались чересчур радикальными; Чертков же постоянно побуждал его идти дальше и применять свои принципы на практике более решительно. Поглощенный духовным совершенствованием, Толстой забросил управление имениями, и теперь они приносили не триста тысяч долларов, как раньше, а всего двадцать пять тысяч. Этого явно не хватало на ведение домашнего хозяйства и на образование кучи детей. Графиня убедила мужа передать ей права на все написанное им до 1881 года и на взятые в долг деньги развернула собственное дело по изданию книг мужа. Дело так процветало, что ей хватило на все. Это противоречило убеждению Толстого, согласно которому безнравственно владеть правами на его литературное творчество, и когда Чертков завоевал достаточное влияние, он вынудил писателя объявить, что все написанное им после 1881 года переходит в общественную собственность и может издаваться каждым. Уже этого было достаточно, чтобы вызвать гнев графини, но Толстой пошел дальше: он тре-

---

[10] Элмер Мод – создатель полного англоязычного собрания произведений Толстого, создал в Британии колонию толстовцев.

бовал, чтобы жена отказалась от прав на ранние книги, в числе которых были и самые известные романы, но она стояла на своем: эти книги давали возможность существовать ей и детям. Ожесточенные, длительные споры продолжались. Соня и Чертков не давали Толстому ни минуты покоя. Их требования разрывали его, и ни одно из них он не считал себя вправе отвергнуть.

В 1896 году Толстому было шестьдесят восемь. Он был женат тридцать четыре года, большинство детей выросло, вторая дочь готовилась выйти замуж, а в это время его жена, которой было пятьдесят два, влюбилась в композитора Танеева, мужчину много моложе себя. Толстой был шокирован, пристыжен и возмущен. Вот что он написал ей в письме: «Твоя близость с Танеевым отвратительна, я не могу спокойно к этому относиться. Если я буду продолжать жить с тобой, закрыв на все глаза, это только сократит и отравит мою жизнь. Уже год я не живу. Ты это знаешь. Я сказал тебе об этом в раздражении и с мольбой. Недавно я пробовал молчать. Что только я не перепробовал, и все без толку. Ваша близость не прекращается, и я вижу, что так может тянуться до бесконечности. Больше терпеть я не могу. Очевидно, что ты не можешь прекратить эту близость, значит, остается одно – расстаться. Я это твердо решил. Нужно только придумать, как это сделать. Думаю, лучше всего мне уехать за границу. Нам надо подумать, как поступить. Одно точно – так жить нельзя».

Но они не расстались и продолжали мучить друг друга. Графиня преследовала композитора со страстью влюбленной стареющей женщины; поначалу это льстило ему, но вскоре он устал от ее чувств, на которые не мог ответить взаимностью и которые делали из него посмешище. Наконец Соня поняла, что композитор избегает ее; дело кончилось тем, что он публично унизил графиню, чем глубоко ее оскорбил. Она пришла к выводу, что Танеев «толстокожий человек, грубый телом и духом», и бесславный роман пришел к концу.

К этому времени раздор между супругами приобрел широкую известность, и для Сони постоянным источником обиды было то, что ученики, теперь единственные друзья мужа, встали на его сторону, относясь к ней враждебно, ведь она мешала поступать ему по совести.

Пересмотр взглядов не принес Толстому счастья. Он потерял друзей, стал причиной распрей в семье и внес разлад в отношения с женой. Его последователи укоряли писателя, что тот по-прежнему живет в роскоши, и он находил справедливыми эти укоры. В дневнике он писал: «Итак, я на семидесятом году жизни всей душой жажду покоя и уединения, пусть не полной гармонии, но чего-то лучшего, чем это вопиющее несоответствие между моей жизнью и убеждениями».

Здоровье Толстого ухудшалось. В течение следующих десяти лет он несколько раз болел, причем одна болезнь была

настолько серьезна, что он чуть не умер. Горький, который видел Толстого в этот период, пишет, что это был очень худой, маленький и седой человек с проницательными глазами и острым взглядом. Лицо в глубоких морщинах заканчивалось длинной седой клочковатой бородой. Он был уже восьмидесятилетний старец. Прошел год, прошел другой. Толстому исполнилось восемьдесят два. Он быстро угасал, и было ясно, что ему осталось жить несколько месяцев. Но и они были отравлены отвратительными ссорами. Чертков, который, очевидно, не совсем разделял толстовский взгляд о безнравственности собственности, купил имение по соседству с Ясной Поляной, что упростило их общение. Теперь он настаивал, чтобы Толстой добился исполнения своего желания – после его смерти все его произведения должны быть переданы в общественную собственность. Графиня была глубоко возмущена тем, что может потерять контроль над романами, переданными ей двадцать пять лет назад. Давняя вражда между ней и Чертковым перешла в открытую войну. Все дети, за исключением младшей дочери Александры, находившейся под сильным влиянием Черткова, были на стороне матери; они не собирались вести ту жизнь, какой ждал от них отец, и хотя он разделил между ними семейные владения, не видели причин, почему им следует отказываться от тех больших денег, которые приносили его сочинения. Вопреки семейному нажиму Толстой написал завещание, в котором передавал права на свои книги народу, и заявлял также,

что все существующие на момент его смерти рукописи должны быть отданы Черткову для передачи тем, кто хотел бы их напечатать. Но такое завещание можно было оспорить, и Чертков уговорил Толстого составить еще одно завещание. Свидетелей тайком привели в дом, чтобы графиня не догадалась, в чем дело, и Толстой, уединившись в кабинете, своей рукой переписал документ. В новом завещании все права переходили к Александре, которую Чертков предложил в качестве номинального собственника, сдержанно объяснив впоследствии свой поступок: «Я не сомневался, что жене и детям Толстого не понравится, если официальным наследником станет не член семьи». Звучит правдоподобно, если учесть, что такое завещание лишало их главного источника существования. Но и это завещание не удовлетворило Черткова, и он составил еще одно, которое Толстой переписал, сидя на пне в лесу вблизи дома Черткова. По этому завещанию все рукописи отходили к Черткову.

Страсти кипели и вокруг дневников Толстого последних лет. Муж и жена в течение долгого времени вели дневники, и было заведено, что каждый имеет право читать дневник другого, когда захочет. Неудачное соглашение: ведь недовольство признаниями того, чей дневник читаешь, приводило к встречным контробвинениям. Ранние дневники хранились у Сони, но дневники последних десяти лет Толстой передал Черткову. Графиня вознамерилась вернуть дневники – частично потому, что их можно было выгодно издать, но боль-

ше из-за того, что Толстой откровенно рассказывал там об их разногласиях, и она не хотела, чтобы все об этом узнали. Она послала к Черткову человека с требованием вернуть дневники. Он отказался. Тогда она стала угрожать, что в случае их невозвращения отравится или утопится, и Толстой, потрясенный устроенной ей сценой, забрал дневники у Черткова и поместил в банк. Чертков написал ему письмо, о котором Толстой отозвался в дневнике так: «Я получил от Черткова письмо, полное упреков и обвинений. Они рвут меня на части. Иногда мне приходит в голову мысль уйти от них всех как можно дальше».

Чуть ли не с юности у Толстого возникло желание оставить суетный мир и уединиться в таком месте, где он мог бы в одиночестве заняться самоусовершенствованием; и как многие другие писатели, он вложил эту мечту в образы своих героев – Пьера в «Войне и мире» и Левина в «Анне Карениной», – в них много от него самого. А теперь жизненные обстоятельства сложились так, что это желание стало навязчивой идеей. Его жена, его дети причиняли ему боль. Мучило и неодобрение сторонников, считавших, что он должен воплотить свои принципы в жизнь. Многим причиняло боль то, что сам он не следует тому, что проповедует. Ежедневно он получал приносящие боль письма с обвинениями в лицемерии. Один рьяный ученик умолял его в письме раздать имущество родственникам и беднякам, остаться безо всего и бродить по свету как нищий. Толстой написал ему в ответ:

«Ваше письмо глубоко тронуло меня. То, что вы советуете, – моя заветная мечта, но до сих пор у меня не было возможности ее осуществить. Тому много причин… но главная – мои действия не должны причинить боль другим». Люди часто загоняют в подсознание истинные мотивы своих поступков, и, исходя из этого, я думаю, что настоящая причина, почему Толстой не поступал так, как требовали ученики и его совесть, – в том, что он не слишком этого хотел. В писательской психологии есть одна отличительная черта, не помню, чтобы о ней кто-то упоминал, хотя она очевидна для всех, кто изучал биографии писателей. Каждое произведение творческого человека есть до какой-то степени сублимация его инстинктов, желаний, мечты – назовите это как угодно, – которые он по некой причине подавил, но, придав им литературную форму, освободился, выпустив их на свободу. Назвать это полным удовлетворением нельзя: у писателя остается чувство неполноценности сделанного. В этом источник прославления писателем человека действия и завистливого восхищения, какое он питает к нему. Вполне возможно, что для Толстого занятие физическим трудом было заменой отторгнутых инстинктов. Возможно также, что он нашел бы в себе силы делать то, что искренне считал правильным, но сочинительство сводило на нет его решимость.

Конечно, он был прирожденный писатель, и его природное чутье помогало ему излагать содержание наиболее эффектным, драматическим и интересным образом. Я предпо-

лагаю, что в своих нравоучительных сочинениях, стремясь сделать их суть более выразительной, он давал волю перу и излагал свои теории гораздо бескомпромисснее, чем если бы, задумавшись, осознал, к каким последствиям это приведет. Однажды он признал, что компромисс, недопустимый в теории, в практике неизбежен. Затем он, конечно, отказался от своих слов: ведь если компромисс в практике неизбежен, значит, что-то не в порядке с теорией. К несчастью для Толстого, его друзья, последователи, все те, кто толпами наезжали в Ясную Поляну, не могли примириться, что их идол унизится до компромисса. Есть нечто жестокое в той настойчивости, с какой они заставляли старика принести себя в жертву их понятию о драматическом соблюдении норм поведения. Он оказался узником собственной идеи. Его сочинения, оказанное ими на многих влияние, иногда – с катастрофическими последствиями, поклонение, уважение, любовь, питаемые к нему, ставили Толстого в положение, из которого был только один выход, но он не мог на это пойти.

И когда наконец Толстой покинул дом, отправившись в знаменитое, но гибельное путешествие, закончившееся его смертью, это произошло не потому, что он решился на шаг, который требовали от него совесть и друзья, – он просто бежал от жены. Непосредственная причина его ухода была случайна. Он пошел спать, но вскоре услышал, как в кабинете Соня роется в его бумагах. Тайное завещание не давало ему покоя, и он, возможно, подумал, что жена каким-то об-

разом узнала о нем и теперь его ищет. Когда Соня покинула кабинет, он встал, собрал рукописи, взял немного из одежды, разбудил доктора, который последнее время жил в доме, и сказал, что уезжает. Разбудили Александру, подняли с постели кучера, запрягли лошадей, и Толстой поехал в сопровождении доктора на станцию. Было пять часов утра. Поезд был переполнен, и Толстому пришлось стоять на открытой площадке в конце вагона под дождем и холодным ветром. Первая остановка была в Шамардине, где в монастыре жила его сестра-монахиня; там к нему присоединилась Александра. Она сообщила последние новости: узнав о бегстве мужа, графиня пыталась покончить с собой. Это была не первая ее попытка самоубийства, но так как она не скрывала своих намерений, возможная трагедия оборачивалась суетой и беспокойными хлопотами. Александра настаивала на продолжении пути: ведь мать могла разведать, где он, и последовать за ним. Билеты взяли до Ростова-на-Дону. В пути Толстой сильно простудился; он чувствовал себя так плохо, что доктор постановил сойти на ближайшей станции. Место, где они остановились, называлось Астапово. Начальник станции, узнав, кто больной, предоставил в его распоряжение свой дом.

На следующий день Толстой послал телеграмму Черткову, а Александра вызвала старшего брата, поручив ему привезти врача из Москвы. Но Толстой был слишком крупной фигурой, чтобы его передвижения остались незамеченными, и в

течение двадцати четырех часов графиня узнала от газетчиков, где находится ее муж. Вместе с детьми, которые жили в Ясной Поляне, она поспешила в Астапово, но Толстой находился в таком плохом состоянии, что приняли решение не сообщать ему о приезде жены, и ту не впустили в дом. Известие о болезни Толстого всколыхнуло весь мир. Всю неделю, что длилась болезнь, в Астапове толпились правительственные чиновники, полицейские, представители железной дороги, журналисты, фотографы и многие другие. Все эти люди жили в железнодорожных вагонах, поставленных на запасные пути, а местный телеграф с трудом справлялся с возросшим объемом работы. Толстой умирал на глазах всего мира. Приезжало много врачей, под конец с ним оставили пятерых. Больной часто впадал в бессознательное состояние, но в минуты просветления беспокоился о Соне, веря, что она находится дома и не знает, где он. Толстой сознавал, что умирает. Всю жизнь он боялся смерти, но сейчас страх отступил. «Мне конец, – сказал он, – но это не важно». Ему становилось все хуже. В бреду он выкрикивал: «Бежать! Бежать!» Наконец к нему впустили Соню. Он был без сознания. Она упала на колени и поцеловала его руку; он издал глубокий вздох, но никак не показал, что знает о ее приходе. Вскоре после шести утра в воскресенье седьмого ноября 1910 года Толстой скончался.

В работе над статьей я основательно использовал труд Элмера Мода «Жизнь Толстого» и его же перевод «Испове-

ди». У Мода преимущество над другими исследователями: он лично знал Толстого и его семью, и к тому же его книга легко читается. К сожалению, он рассказывает о себе и своих предпочтениях больше, чем обычно хотят знать читатели. Я также много почерпнул из полной, обстоятельной и убедительной биографии Толстого, написанной профессором Симмонсом. Там приводится много интересных фактов, которые Элмер Мод, по-видимому, из чистого благоразумия, опустил. Думаю, эта биография надолго останется лучшей биографией Толстого на английском языке.

Оноре де Бальзак и «Отец Горио»

Как я сказал в начале статьи о «Войне и мире», из всех великих романистов, внесших свою лепту в духовные сокровища человечества, Бальзак, на мой взгляд, величайший. Он гений. Есть писатели, которые прославились одной-двумя книгами; иногда потому, что из массы написанного ими только небольшая часть имеет непреходящую ценность; иногда потому, что вдохновение черпалось из необычного опыта или обусловливалось особенностями темперамента, что не способствовало созданию большого количества произведений. Они произнесли однажды все, что хотели сказать, и если продолжали писать, то повторялись. Плодовитость – достоинство в писателе, а плодовитость Бальзака поразительна. Его творчество охватывает все стороны жизни своего времени, все пространство своей страны. Он хорошо знает человека, но с некоторыми слоями общества знаком меньше, чем с другими: средний класс – доктора, юристы, клерки, журналисты, владельцы магазинов, сельские священники – ему ближе светского общества, круга городских рабочих или земледельцев. Как все романисты, порок он изображает с большим блеском, чем добро. Его наблюдения точны и обстоятельны. Изобретательность вызывает восхищение, а количество созданных персонажей ошеломляет.

Однако не думаю, что он был интересным человеком. В

характерах его героев нет особой сложности, запутанных противоречий, утонченной изысканности. На самом деле он был обычным человеком, обладающим, однако, исключительной творческой мощью сродни природной – вроде бурной реки, которая, выйдя из берегов, сметает все на своем пути, или урагана, проносящегося по сельской местности или по улицам густонаселенных городов. При изображении общества его исключительный дар проявлялся в описании не только отношений между людьми – все романисты за исключением авторов чисто приключенческих романов это делают, – но и их связей с обществом, в котором они живут. Большинство писателей берут несколько персонажей, иногда не более двух-трех, и изображают их так, словно те отгорожены от жизни витриной. Это часто приводит к особой напряженности повествования, но, к сожалению, создает ощущение искусственности.

Люди живут не только своей жизнью, они участвуют в жизни других людей, в своей играют главную роль, в других – иногда значительную, а иногда совсем ничтожную. Идете вы, например, в парикмахерскую подстричься – для вас это рядовое событие, но оно может сыграть важную роль в жизни парикмахера. Понимая все это, Бальзак смог передать живое и волнующее впечатление от многообразия жизни, ее запутанности и противоречивости, показав отдаленные причины, приводящие к видимому результату. Я думаю, он первый романист, обративший внимание на влияние, ка-

кое экономика оказывает на жизнь каждого человека. Он не дошел до того, чтобы назвать деньги источником зла, считая, что страсть к деньгам, желание иметь их побуждает человека действовать. В его романах герои – один за другим – одержимы мыслью о деньгах, больших деньгах. Их цель – жить в роскоши, иметь красивые дома, превосходных лошадей, прекрасных женщин, и, чтобы получить это, для них хороши все средства. Вульгарная цель, но, думаю, в наши дни мало что изменилось.

Встретившись с Бальзаком, когда ему перевалило за тридцать – в то время он был уже успешным писателем, – вы увидели бы человека небольшого роста, начинавшего понемногу толстеть, с могучими плечами и широкой грудью, из-за них он не показался бы вам плюгавым; с бычьей шеей, белизна которой контрастировала с красным лицом и толстыми красными губами, так и стремящимися растянуться в улыбке. У него был крупный нос с широкими нозд рями, высокий лоб; густые, откинутые назад черные волосы вызывали представление о гриве льва. Карие глаза с золотыми крапинками горели жизнью и светом, они притягивали к себе, и вы уже не замечали неправильности и грубоватости черт. Веселое, открытое и добродушное выражение лица. Энергия била в нем ключом, и даже простое пребывание рядом наполняло бодростью. Затем вас могла поразить красота его рук. Он очень гордился ими – маленькими, белыми, мягкими, с розовыми ноготками, словно руки епископа. Вечером вы встретили

бы его в синем пиджаке с позолоченными пуговицами, черных брюках, белом жилете, ажурных носках из черного шелка, кожаных лакированных туфлях, белоснежной рубашке и желтых перчатках. Зато днем вас поразили бы его потрепанный пиджак, заляпанные грязью брюки, нечищеные туфли и жуткая старая шляпа.

Современники дружно уверяют, что в то время Бальзак был наивным, ребячливым, добрым и общительным. Жорж Санд говорила, что он предельно искренний, вызывающе хвастливый, самоуверенный, экспансивный, очень добрый и совершенно сумасшедший, пьянеющий от воды, неудержимый в работе и равнодушный к другим страстям, обстоятельный и романтичный, доверчивый и скептический, приводящий в замешательство и упрямый.

Подлинная фамилия писателя Бальса, его предки были крестьянами, но его отец, чиновник органов юстиции, после революции пошел в гору, сменив фамилию на более звучную – Бальзак. Он женился на наследнице, и в 1799 году в Туре, где получил должность управляющего больницей, у его жены родился сын Оноре, старший из четырех детей. Оноре, проучившись несколько лет в школе, где слыл плохим и ленивым учеником, поступил на работу в одну из юридических контор Парижа, куда переехала семья; три года спустя, после того как Оноре сдал необходимые экзамены, ему предложили всерьез заняться юриспруденцией, но тут он взбунтовался. Он хотел стать писателем. Домашние яростно противи-

лись этому желанию. В конце концов, несмотря на продолжающееся сопротивление матери, суровой, практичной женщины, которую сын никогда не любил, отец согласился дать ему шанс. Оноре предстояло жить одному на деньги, которых хватало лишь на самые скромные нужды, и попробовать чего-то добиться.

Первым делом он написал трагедию о Кромвеле и прочитал ее перед семьей. Все дружно решили, что она никуда не годится. Сочинение показали одному профессору, который вынес следующий вердикт: пусть автор займется чем-то другим – писать ему противопоказано. Злой и разочарованный, Бальзак решил: если уж ему не суждено стать трагическим поэтом, надо попробовать стать романистом, и действительно написал два или три романа под влиянием Вальтера Скотта, Анны Рэдклифф и Байрона. Однако родные пришли к заключению, что эксперимент не удался, и потребовали, чтобы он возвращался домой с первым же дилижансом. Отец к этому времени ушел на пенсию, и семья жила недалеко от Парижа в местечке под названием Вильпарисис. Товарищ Оноре, литературный поденщик, навестил его и уговорил написать еще что-нибудь. Оноре засел за работу и написал под разными псевдонимами несколько плохих романов – иногда один, иногда с соавторами. Неизвестно, сколько книг вышло из-под его пера в промежутке между 1821 и 1825 годами. Некоторые компетентные специалисты называют число пятьдесят. По большей части он писал исторические рома-

ны, ведь тогда в зените славы был Вальтер Скотт, и романы были явным подражанием ему. Они никуда не годились, но работа над ними принесла Бальзаку пользу, научив его не затягивать действие, удерживать читателя в постоянном напряжении и писать о том, что для людей особенно важно, – о любви, богатстве, чести и самой жизни. Возможно, он понял, что надо принимать во внимание и собственные склонности – писателя должны волновать земные страсти, тогда его хочется читать. Страсть может быть низменной, тривиальной или противоестественной, но если она достаточно сильна, в ней всегда будет некоторое величие. Живя в Вильпарисисе с семьей, Бальзак свел знакомство с соседкой, мадам де Берни, дочерью немецкого музыканта, служившего у Марии Антуанетты, и одной из ее камеристок. Ей было сорок пять лет. Ее болезненный муж отличался ворчливым характером. У нее было восемь детей от него и один ребенок от любовника. Она стала Бальзаку сначала другом, потом любовницей, их дружба продолжалась на протяжении четырнадцати лет до ее смерти. То была необычная связь. Он любил в ней женщину, но кроме того, испытывал чувства, которые никогда не питал к матери. Она стала ему не только любовницей, но и преданным другом, чей совет, ободрение, помощь и бескорыстная любовь были всегда к его услугам. Однако об их скандальном романе узнали в поселке, и мадам Бальзак, естественно, не одобрила связь сына с женщиной, годившейся ему в матери. Кроме того, его сочинения приносили

очень мало денег, и ее беспокоило его будущее. Один друг посоветовал Бальзаку заняться бизнесом, и эта мысль ему понравилась. Мадам де Берни вложила в дело сорок пять тысяч франков (девять тысяч долларов), теперь эта сумма была бы в три или четыре раза больше, и Бальзак, обзаведшись двумя партнерами, стал издателем и печатником. Но он не был бизнесменом и вел себя крайне экстравагантно, повесив на фирму свои личные расходы на портных, сапожников, ювелиров и даже прачек. В конце третьего года фирма разорилась, и матери пришлось заплатить кредиторам пятьдесят тысяч франков. Неудачный эксперимент, однако, расширил кругозор будущего романиста, внеся множество специальной информации, что впоследствии так пригодилось в творчестве.

После банкротства Бальзак поехал к друзьям в Бретань, где собрал материал для романа «Шуаны», первого серьезного произведения, под которым он впервые поставил свое имя. Тогда ему было тридцать лет. С тех пор он постоянно работал в сумасшедшем темпе до самой смерти, пришедшей к нему через двадцать один год. Количество созданных им произведений – крупной и малой формы – поражает. Каждый год он писал по большому роману, а то и по два, не считая повестей и рассказов. Кроме того, его перу принадлежат несколько пьес, некоторые из них никогда не были поставлены, а те, что увидели сцену, провалились все, кроме одной. Какое-то время он выпускал газету, выходившую дважды в

неделю, большинство материалов в нее писал сам.

Бальзак прекрасно владел стенографией. Куда бы он ни шел, с ним всегда была его записная книжка, и если он видел то, что могло пригодиться в работе, или если ему или кому-то другому приходила в голову интересная мысль, он заносил это в книжку. По возможности Бальзак посещал места действий своих книг, а иногда предпринимал основательные поездки, чтобы воочию увидеть улицу или дом, которые собирался описать. Полагаю, как и у всех романистов, его героям изначально были присущи черты знакомых людей, но в процессе работы его воображение трансформировало их настолько, что они становились исключительно его творениями. Он прилагал много усилий, чтобы дать подходящие имена своим героям, считая, что имя должно соответствовать характеру и всему облику персонажа, носящего его.

Когда Бальзак работал, он вел строгую и размеренную жизнь. Вскоре после ужина он ложился спать, но в час ночи его будил слуга. Бальзак вставал, надевал белоснежный, без единого пятнышка, халат, потому что был уверен, что работать нужно в чистой одежде, и затем при свечах, подстегивая себя крепким кофе, писал пером из крыла ворона. В семь утра он откладывал перо, принимал ванну и ложился. Между восьмью и девятью часами приезжал издатель, привозил корректуру или забирал готовый текст; после его отъезда Бальзак опять вставал и писал до полудня, потом ел вареные яйца, пил воду и снова взбадривал себя кофе; так он

работал до шести вечера, времени легкого ужина с бокалом сухого «Вувре». Иногда его навещал кто-нибудь из друзей, но после короткой беседы писатель шел спать.

Бальзак не принадлежал к тем романистам, которые с самого начала знают, о чем будут писать. Предварительно он делал черновой набросок, переписывал и правил его, менял порядок глав, что-то выбрасывал, что-то вставлял, вносил изменения; наконец он отправлял типографщикам рукопись, в которой было трудно разобраться. Набранный текст ему возвращали, и он обращался с ним как с черновым наброском будущего сочинения, вставляя не только новые слова, но и предложения, целые абзацы и даже главы. Когда ему приносили набор с внесенными изменениями и исправлениями, он вновь его правил. Только после этого Бальзак давал согласие на публикацию при условии, что в последующих изданиях ему будет дано право редактировать и улучшать книгу. Конечно, все это требовало больших затрат, и у него были постоянные конфликты с издателями.

История взаимоотношений писателя с редакторами и издателями долгая, утомительная и неприятная, и я расскажу о ней как можно короче и только потому, что она оказала влияние на его жизнь и творчество. Бальзак был более чем безалаберен. Он мог взять аванс, пообещав сдать книгу к определенному сроку, а потом, соблазнившись быстрыми деньгами, перестать работать и начать спешно писать для другого редактора или издателя новый роман или повесть. Наруше-

ние контракта приводило к штрафным санкциям, и размеры этих выплат увеличивали его и так огромные долги. Ведь как только к Бальзаку пришел успех, принеся договоры на книги, которые он обязался написать (некоторые так и не написал), он сразу же перебрался в просторную квартиру, обставил ее с шиком, купил кабриолет и пару лошадей. Он один из первых почувствовал страсть к оформлению интерьера, и описание его квартир дает представление как об их великолепии, так и об отсутствии вкуса у хозяина. Бальзак нанял грума, кухарку и слугу, купил одежду для себя и ливрею для грума, а также приобрел посуду, украсив ее гербом старинного рода Бальзаков, который ему не принадлежал. Желая заставить всех поверить в свое дворянское происхождение, писатель поставил перед фамилией частицу «де». Чтобы оплатить всю эту роскошь, он занимал деньги у сестры, друзей, издателей, подписывал векселя, выплаты по которым регулярно задерживал. Долги росли, а он продолжал скупать фарфор, шкатулки, мебель стиля буль с инкрустацией из бронзы, и перламутра, картины, статуи, драгоценности; у его книг были великолепные сафьяновые переплеты, а одну из многочисленных тростей украшала бирюза. Для одного званого обеда он приказал полностью поменять мебель в столовой и заново ее декорировать. Замечу мимоходом, что, находясь в одиночестве, он ел умеренно, но в компании был ненасытен. Один из его издателей уверял, что видел, как Бальзак за столом проглотил сотню устриц, двенадцать котлет, утку, пару куро-

паток, камбалу, множество десертов и дюжину груш. Неудивительно, что со временем он растолстел, а живот его стал просто огромен.

Временами, когда кредиторы слишком уж его допекали, многое из имущества приходилось закладывать; иногда приходили оценщики, выносили мебель и продавали ее на аукционах. Но ничто не могло его излечить. До конца жизни Бальзак продолжал тратить деньги с легкомысленной экстравагантностью. Он без зазрения совести занимал деньги, но восхищение его гениальностью было так велико, что друзья ему редко отказывали. Женщины, как правило, не так легко расстаются с деньгами, но Бальзаку они уступали. С деликатностью дела у него обстояли плохо, и похоже, он не испытывал никаких угрызений совести, забирая у них деньги.

Надо помнить, что мать пожертвовала часть своего небольшого состояния на спасение его от банкротства; приданое дочерей еще больше его сократило, и в конце концов у нее остался только дом, который она арендовала. Пришло время такой острой нужды, что она написала письмо сыну, которое Андре Билли цитирует в своей книге «Жизнь Бальзака»:

«Последнее письмо от тебя я получила в ноябре 1834 года. В нем ты соглашался с апреля 1835 года выдавать мне ежеквартально двести франков, что пошло бы частично на оплату ренты и горничной. Ты понимаешь, что я не могу жить как нищая: твое имя слишком известно, как и роскошь, в

которой ты живешь, и разница в нашем положении всех шокирует. Как я понимаю, данное тобой обещание – признание своего долга. Сейчас апрель 1837 года, а это означает, что ты должен деньги за два года. Из этих 1600 франков ты дал мне в прошлом декабре 500, и выглядело это как оскорбительное подаяние. Оноре, эти два года были для меня сплошным кошмаром, траты были огромные. Не сомневаюсь, что ты не мог помочь, но в результате занятые деньги снизили стоимость дома; теперь у меня ничего нет, все ценности в ломбарде; словом, наступил момент, когда мне приходится просить: «Хлеба, сын». В течение нескольких недель я питалась тем, что привозил мне добрый зять, но, Оноре, так больше продолжаться не может: ведь у тебя есть средства на долгие и дорогие путешествия; из-за них твоя репутация будет под угрозой: ведь ты нарушаешь срок договоров. Когда я думаю обо всем этом, у меня разрывается сердце! Сын мой, ты можешь позволить себе… любовниц, трости с украшениями, перстни, серебро, роскошную мебель, и потому мать, не боясь быть бестактной, просит тебя выполнить обещание. Она ждала до последнего момента, но вот он настал…» Бальзак ответил на письмо: «Думаю, тебе лучше приехать в Париж и часок поговорить со мной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.